

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ РАЗНЫХ ЛЕТ

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожак,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу —
Врагам сказал: «Иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: «Это он!» —
Склоняя голову,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть темные ружья
Стражи, убивающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожки.
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и та.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает, синея, молния без чувств.
А ночь блестит умно и черно.

Детуся! Если глаза устали быть
широкими,
Если согласны на имя «браток»,
Я, синеокий, клянуся
Высоко держать вашей жизни
цветок.

Я ведь такой же,
сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли,
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь, мы будем брат и сестра,

Мы ведь в свободной земле
свободные люди,
Сами законы творим, законов
бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок
голубого.

И мне хорошо и внезапно
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневающийся долго во многом,
Вдруг я поверил навеки:
Что предначертано там,
Тщетно рубить дровосеку.
Много мы лишних слов избежим,
Просто я буду служить вам обедню,
Как волосатый священник
с длинною гривой,
Пить голубые ручьи чистоты,
И страшных имен мы не будем
бояться.

ЧИСЛА

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери,
в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные
дубы.
Вы даруете единство между
змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской
кормысла,
Вы позволяете понимать века
как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно
разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое
его — единица.

Еще раз, еще раз
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
Камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Над мной.

АЛФЕРОВО

Немало славных полководцев,
Сказавших «счастлив», умирая,
Знал род старинных новгородцев,
В потомке гордом догораю.

На белом мохнатом коне
Тот в Польше разбил короля.
Победы, коварны оне,
Над прежним любимцем шалю,
Тот сидел под старой липой,
Победитель в Измаиле,
И, склонен над приказов бумажною
кипой,
Шептал, умирая: «Мы победили!»,
Над пропастью дядя скакал,
Когда русские брали Гуниб.
И от раны татарскою шашкой стекал
Ручей. — Он погиб.

одна
из тайн
творчества-
ви деть
перед
собой
тот народ,
для которого
иц шемь...

В. К. Кислов

То бобыли, то масть воронья
Под гулкий звон подков
Носила седоков
Вдоль берега Дуная.

Конюшен дедовских копыта,
Шагами русская держава
Была походами покрыта,
Товарищами славы.

Тот на Востоке служил
И, от пули смертельной не сделав
изгиба,
Руку на сердце свое положил
И врагу, улыбаясь, молвил:
«Спасибо».

Теперь родовых его имений
Горят дворцы и хутора,
Ряды усадебных строений
Всю ночь горели до утра.

Но, предан прадедовским устоям,
Заветов страж отцов,
Он ходит по покоям
И тербит концы усов.

В созвездье их войдет он сам!
Избранники столицы,
Нахмутив свои лица,
Глядят из старых рам.

ПЕРУНУ

Над тобой носились беркута,
Порой садясь на бога грудь,
Когда миял ты, рея, омута,
На рыбы наводя поселки жуть,
Бог, водами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусимы
Роду низвергшихся людей?
Не знал ли ты, что некогда
восстанем,

Как некая вселенной тень,
Когда гонимы быть устанем
И обретем в временах рень?
Сил синих снем,
Когда копьем мужья встречали,
Тебе не пел ли: «Мы не уснем
В иных времен начале?»
С тобой надежды верных плыли,
Тебя провожавших зовом «Боже»,
И как добычу тебя поделили были,

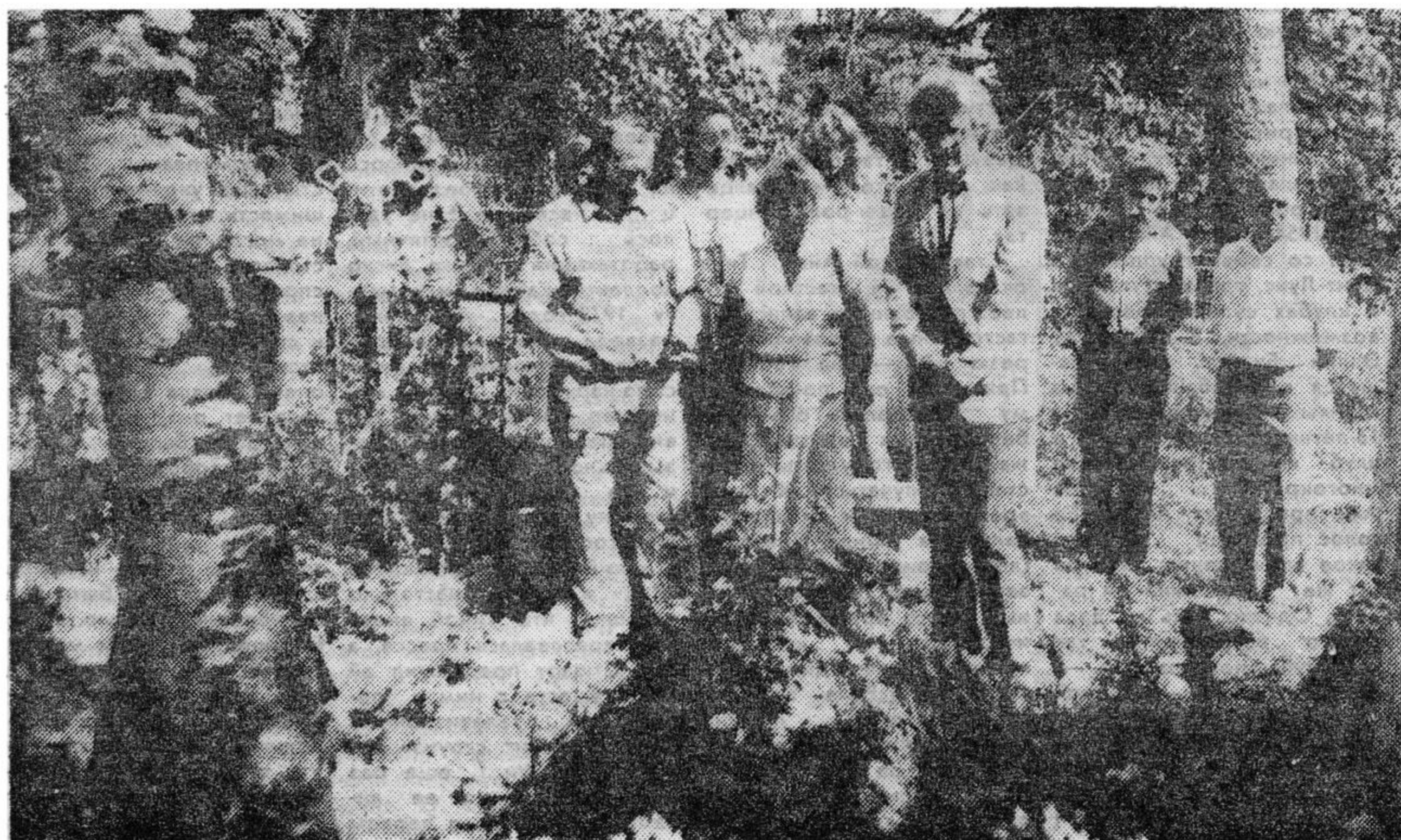

Когда взмошел ты на песчаной
рени ложе,
Как зверь влачит супруге снеди,
Текущий кровью жаркий кус,
Владимир не подарил ли так Рогнеде
Твой золоченый длинный ус?
Ты знаешь: путь изменит прях,
И станем верны, о, Перуне,
Когда желтой и белой силы прях
Перед тобой вновь объединит
нас в уне.
Навьем возложенный на сани,
Как некогда ты проплыл Днепр —
Так ты окончил Перунепр,
Узнав вновь сладость всю касаний.

ВОСПОМИНАНИЯ

Достойны славы пехотинцы,
Закончив бранную тревогу.
Но есть на свете красотицы
И часто с ними идут в ногу.
Вы помните, мы брали Перемышль
Пушкинскую красоту.
Не может быть, чтоб вы не слышали
Осады вашей высоты.
Как судорга — пальба Кусманека,
Иль Перемышль старый таритесь?
От поцелуев нежных странника
Вся современность ниагарится.
Ведь только, только Ниагаре
Воскликну некогда: «Товарищ!»
(Самоотрицание в анчаре,
На землю ласково чинарься).
А вы, старейшие из старых,
Старее, нежели Додо,
Идите прочь! Не на анчарах
Вам вить воробушка гнездо.
Для рукоплескания подмышек
Раскрывши свой увядший рот,
Вас много, трепетных зайчишек,
Скакало в мой же огород.
В моем пере на Миссисипи
Обвенчан старый умный Нил.
Его волну в певучем скрипе
Я эхнатэнственно женил.

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

Велимиру Хлебникову посвящается

В четвертый раз 25 июня собрались почтители творчества Велимира Хлебникова в деревне Ручьи Крестецкого района, где в июне 1922 года завершился необычайно сложный, полный трудов и испытаний, во многом легендарный земной путь поэта и где в 1986 году был открыт первый в стране народный музей его памяти.

День выдался на славу — поистине праздничный. Впрочем, как и всякий раз на Хлебниковское воскресенье. Природа явно благоволила к памяти великого поэта.

На деревенском погосте, куда пришли первым делом участники четвертых Хлебниковских чтений, — солнечная, напоенная летними ароматами тишина. Тесным кольцом обступили могилу. Цветы, цветы ложатся к подножию памятника, у ног увенчанного трезубой короной младенца закипают свечи.

Словом обращается к собравшимся один из основателей музея и традиции проведения этого литературного праздника художник из Ростова-на-Дону Олег Облоухов.

Минутой молчания почтили мы память самоубийшего поэта России. И жизнеутверждающий птичий щебет в кронах окрестных деревьев венчал эту торжественную минуту, как-то сроднившую нас всех...

С погоста — неся в душе это особое приподнятое и щемящее чувство — идем в сельский Дом культуры, где в двух комнатах на втором этаже развешена экспозиция музея Велимира Хлебникова, а в уютном зале рядом проводятся чтения.

Нынешние чтения открыла и вела заведующая отделом культуры Крестецкого райисполкома Н. Г. Абрамова.

Первым выступил Олег Облоухов. Он рассказал о

пребывании Хлебникова на новгородской земле в мае — июне 1922 года, о том, как и кем создавался музей. Как соавтор памятника Сергию Радонежскому в подмосковном селе Горюхино и непосредственный участник полутрагической «эпопеи» по его установке (о которой много писа-

ла пресса), О. Облоухов поделился своими мыслями о значимости широкой народной инициативы для святого дела возрождения русской культуры и духовности.

О повседневной деятельности музея рассказал учитель русского языка и литературы Ручьевской

восьмилетней школы Лариса Мельникова — постоянный экскурсовод по хлебниковской экспозиции.

Ленинградский поэт Игорь Кравиченко говорил о том громадном значении, которое имеет Хлебников для развития всей последующей советской поэзии, о собственном восприятии его творчества. В заключение он прочитал несколько своих стихотворений одно из них — «Стихи о последнем лебедь» — воспринималось, как метафора горькой и высокой судьбы поэта-будетлянина.

Заучали стихи самого Хлебникова, стихи, посвященные его памяти, с которыми выступили новгородские поэты Анна Данилова, Олег Калинин и автор этих строк.

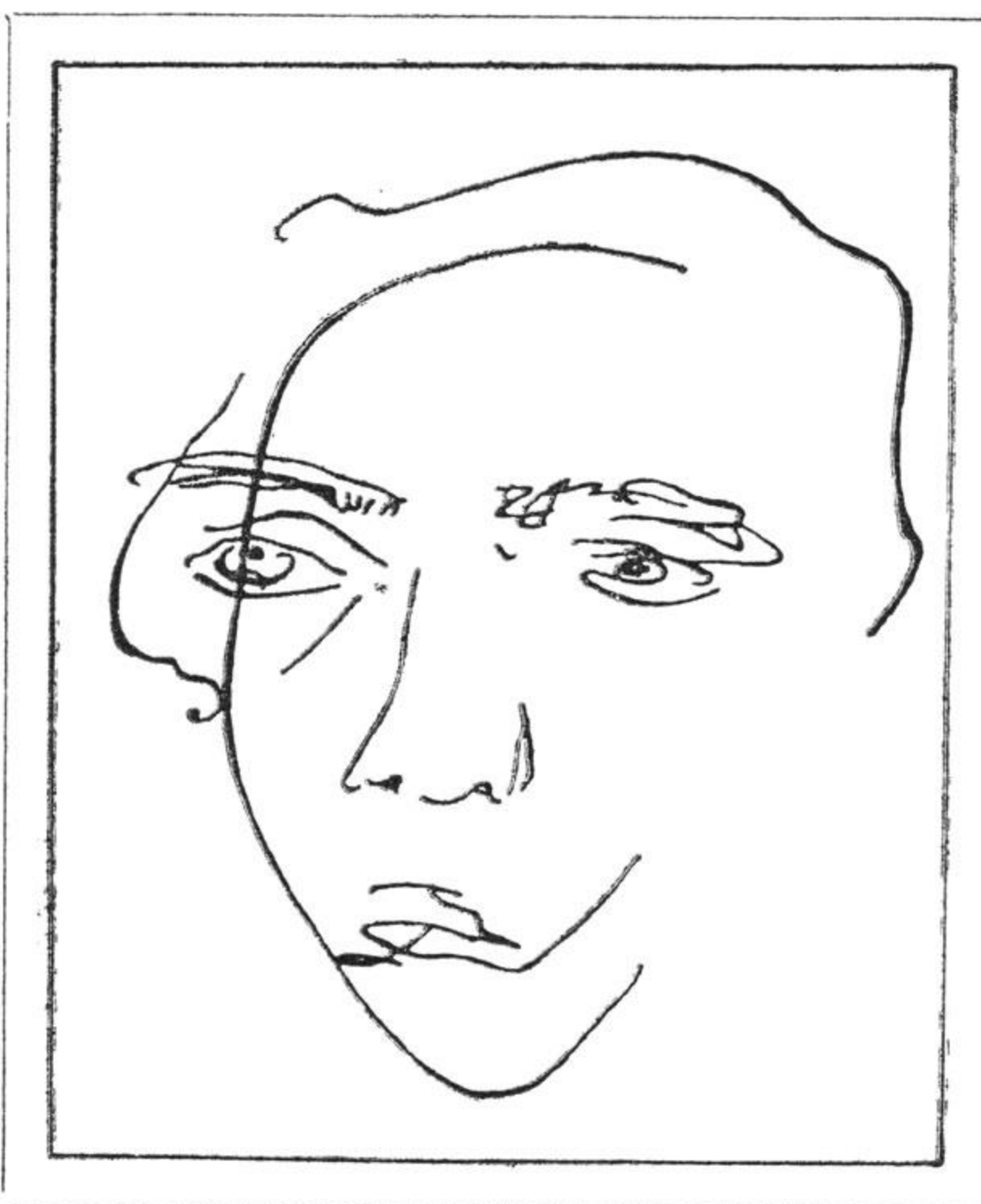
Председатель исполкома Ручьевского сельского Совета В. С. Блыщик передал в фонд музея два найденные недавно фотографии 1967 года: непокрытые еще тогда школа в Санталове, в здании которой некоторое время жил Велимир и банька,

где он умер.

Три свои работы на берегу («Церковь Рождества Богородицы», «Владимирская Божья мать» и «Георгиевский собор Юрьева монастыря») подарил музею новгородский художник Владимир Шангуров. Щедрый дар — от всего сердца. Хотелось бы надеяться, что заразительны не только дурные примеры...

Для тех участников чтений, которые впервые попали в Ручьи, была проведена экскурсия по музею. Лариса Мельникова, директор Дома культуры Мария Каракозова ответили на их многочисленные вопросы. В книге отзывов появились новые записи со словами восхищения и благодарности — Поэту и хранителям его памяти. К их числу, безусловно, следует отнести и тех работников Крестецкого райкома партии и райисполкома, которые много делают для проведения вот таких ежегодных Хлебниковских праздников.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА ОТДАНА СТИХАМ НОВГОРОДЦЕВ — УЧАСТНИКОВ IV ХЛЕБНИКОВСКИХ ЧТЕНИЙ — РУСЛАНА ДЕРИГЛАЗОВА, АННЫ ДАНИЛОВОЙ, ОЛЕГА КАЛИНИНА.

Руслан Дериглазов

ИЮНЬСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

И знали — и знать не хотели.
Летел ты погибелю встреч.
Ах, вряд ли бы эти недели
могли нас от зла уберечь.

И только слеза пробивалась
как солнечный луч между туч
и памятью сердце терзалось
предсмертной: пойми и не мучь!

И лики горели чужие
с икон, из окон и с небес —
и вжиге еще ворожили,
чтоб ты никогда не воскрес

Но нет — не свершилось затмение
забвенья рдеет пунктир.
Сегодня — в твоё воскресенье —
мы гости твои, Велимир!

д. Ручьи, 25 июня 1989 г.

Вначале было Слово

Рябь рукописи... Кругом голова...
Вдруг сердце защемило отголоском
того — простого и великого письма
над суетой, над миром

и над воском:
воск плавился, а мир благоухал,
а суета сжирала поколения,
а лист белел, а человек писал —
и белый день был —

первый день творенья

ПОЭЗИЯ

Божественной игры истома и расчет —
и проигрыш в игре не предусмотрен
Глагол гоочит — так в жилах кровь
течет —

так шар земной толкается
под поктем

ПРОГУЛКА

(О ПРИРОДЕ ПОЭЗИИ)

Цезуры подождала щель —
блаженный прогал для гортани
прогул в череде бормотаний,
прогулка щелчком отсель —

но, впрочем, совсем недалеко —
и вот уж, прогулку прервав
мы вновь возвращаемся к речи
гордая обретением прав

на ясного смысла приварок
к горячему вареву строк...
Все это — не дар, а подарок —
в дорогу с собой узелок

Какие случайности тешат и душат
и слово даруют — и разум отъемлют,
и строят — и рушат, и мрут —
да не дремлют:
о, светлые гимны над тьмой
нескладушек!

И сколько нелепости в наших
законах,
которым привержена слава земная,
Но слово надземно — во времени ль
оном,
в ином ли под бременем изнемога

надежды святой и безбрежного
смысла,
со всею Вселенною сопоставимых,
ах, к ним возревнуют и знаки,
и числа,
и звуки... А души зыскуют любимых,

ЛОГОС

И куда б ни проникало
и чего бы ни касалось,
Слово остается чистым,
потому что Слово — свет.

Так расчислим эти тени,
цвету жизнь дадим и трепет —
и восславим свет — и счастье
этот свет призывом лить!

Анна Данилова

«Ногу на ногу положи,
Велимир пребудет жив». —
[надпись, вырезанная на сосне над
могилой].

В кою ручьев тенистых
и прохлад
Под холмиком кладбищенского
дерна
Хранит земля усталая упорно
Поэта прах, как драгоценный клад.

Над ним сосна взметнула к небесам
Раскидистую облачную крону —

Как царственную пышную корону,
Подвластную безудержным ветрам.

На дереве том грубый пояс —
Любви и скорби памятная мета:
В ней имя незабвенное поэта
И жизни неосознанный итог.

Там пустозвонны слава и слова
Пророку битв — шаману Велимиру,
Где шум его шагов хранит трава
И прячет им оброненную лиру

Невольню я коснулась пояса
Из двух несложных стихотворных
строчек —
И смоляной коричневый комочек
К моим ногам упал из высока.

ЦВЕТОК СЧАСТЬЯ

Легенду хранят еще времени
крылья
Про то говорила мне бабка Мария —
Взгрустнув от сомнений,
вздыхая устало, —
Что люди встречали цветок
небывалый.

Поэет из сумрачной чащи теплом, —
И чудо мелькнет над узорным
листом
Манящий, трезвожный цветок,
как заря.

Случается, годы проищешь — и зря.
Но если увидишь — не дрогни
пред ним,
Иначе исчезнет, как в сумерках дым.
Возьми на ладони — осветит в пути
И тропку крутую, и тьму впереди.

Сквозь шорох и свисты,
увертливый смех
Иди от соблазнов и легких утех.
На слушай, что скажут и что напоют,
Коль счастье нашло на ладони приют.

И ночь растворится в предутренней
мгле —
Ты будешь счастливее всех на земле

Какие вселенские ветры,
Все силы подвластные аздыбия,
Сорвали гранитный утес
И, бросив у Ильмена, стихли?
И вот он лежит на песке —
Тяжелая серая глыба —
Покаты, округлы бока...
Не здесь ли мой пращур принес
Последнюю жертву Перуну
И за откуп какого греха?
Усталые тропы земные

Недавно меня привели
В края эти, в прошлом — саятые.
Молитвенно руки сложила,
В пригоршни я влаги студеной
Набрала. И, сделав глоток,
Подумала вдруг удивленно:
Как времени странен поток!
Пред ним и утесы не равны —
Один превратится в песок,
Другой — станет жертвенным
камнем.

Олег Калинин

Сколько гостем ходил по дороге,
Что по милой родной стороне,
Где березовые недотроги
Разметались печалью во сне.
Где пролески под инеем стынют
Да теплы под дымком хутора,
Где шальная цыганка-рябина
Шаль с кистями раскинет с утра.
Сжались нивы в стога и амбары.
Черносотые ворон на полях,
Даль прозрачная сказкою старой
Обизавет проселочный шлях.

На могу объяснить, обвинять —
не хочу!
На снегу нагота непорочная...
— Не молчи на свечу! —

По плечам несогласье осколочьем.
Я уйду в «без тебя», разолью
кубок душ,
Память двух — немочь губ, косяками,
проста...

Моль молитвы жжет в пух.
Глаз иссушенных
Та вода, что ушла — чистота.
Угодил босиком — солнца таз
По земле раскатился, распятился,
По источенной россыпи нас
Во всю синь лучезарно

укатывается,
Там был день: расплылся дома
в хороваде —

Тихий русский иконостас.
Затупились в плетень — те же
бабоньки в роде:
Верно, знали да ведали нас
Мы бежали от сглаза, от верной
судьбы в сладость «бы»,
Мои пальцы в твоих волосах
разбросав,
Как последних нас грела земля,
вдруг дожидаясь,
Будто в лоне дождя,
Будто сызнова в мир
не увидеть тебя.